

УДК 930.1

А.П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Ул. Университетская, 33, Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ПОСТРОЕНИЕ ДИАЛОГОВОЙ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Анализируются различные аспекты диалогового конструирования. Предлагается способ синтеза уровней диалога, а также оценивается степень соотношения предметной и смысловой составляющих диалога.

Известна парадоксальная задача, суть которой сводима к правилу: «Чем проще вопрос, тем сложнее ответ». Если приложить данную ситуацию к культуре в целом, то возникает очевидная неясность – что считать итогом, заключительной фазой производства культуры. Остановимся на том варианте ответа, который нам кажется наиболее точным – это производство диалога. Говоря точнее, диалог выступает как цель и средство культурологической коммуникации.

С этой точки зрения, можно представить себе диалог как триединство свободы мысли, действия и оценки. Выделение указанных компонентов диалога вынуждает нас фиксировать его элементную базу, а, значит, с достаточной определенностью обозначать глубину его содержания, цель его осуществления и критерии его интенсивности и интенциональности.

Очевидно, что общей основой интеграции таких разноплановых проекций диалога может выступать понимание, как предпосылка его осмысления.

Перед нами классическая веберовская модель интерпретации понимания, как методологической установки, сводящейся к реализации родовой задачи человека – «*cogito, ergo sum*». Однако расширим задачу и возьмем понимание не только через призму представлений о целерациональном действии, а, в целом, как феномен. Тогда в общей конструкции понимания обнаруживаются несколько взаимообуславливающих уровней, которые, довольно огрубленно, можно представить как психо-эмоциональный (персонаж кинофильма «Доживем до понедельника», как известно, дал классическую бытовую дефиницию психологического переживания, ощущения эффекта – «Счастье – это когда тебя понимают»), социально-инструментальный или процедурный и собственно смыслообразующий уровень. На социально-инструментальном уровне господствует либо осознанное подчинение необходимости, которой подвластен выбор, либо угроза применения насилия, т.е. в его основе лежит принцип: «Делай, как я». Если первый уровень достоверно запечатлевает результаты пережитого акта, подчеркивает его уникальность и неповторимость для экзистенциальных переживаний субъекта, то второй обеспечивает надежное закрепление образца в непосредственном поведении, т.е. его матрицирование.

Степень и глубина осознания факта диалога зависит от уровня интериоризации или личностной заглупленности переданного смысла, которая осуществляется на смыслообразующем уровне. Здесь происходит перекодировка смысла и основных значений культурного поля. Если до сей поры логика присвоения смыслов предметов реальности совпадала с бытием самих предметов – логика притяжения – то, на заключительном этапе все складывается по-иному – начинает действовать принцип, запечатленный Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре»: «Все, что взял ты, то пропало, то, что отдал, то твое». Это и есть ядерная область культуры, самая сокровенная ее часть. По этому поводу возникают мотивированные вопросы, которые группируются около следующих оснований. Во-первых, как возможен сам интрасубъектный феномен передачи, во-вторых, как устроена, из каких элементов состоит передача, в-третьих, возможно ли вообще, или до каких пределов вероятно ее видоизменение, и, наконец, в-четвертых, возможно ли усиление позитивных передаточных способностей. Относительно последнего существует устойчивое подозрение, что такие способности даются только от Бога. Если это и так, то тема обсуждения явно выходит за пределы секуляризованной науки в целом и данной статьи в частности и обговорена в настоящем времени быть не может.

Итак, создавая культуру посредством диалога, мы создаем и одновременно работаем Словом, для этого конструируем по известным схемам Понятие и тем самым создаем человека во всем многообразии его проявлений: от телесно-предметной или чувственно-эмоциональной области до телесно-культурной или духовно-нормативной ипостаси.

Предельная общность постановки задачи не случайна: это отнюдь не стремление растворить конкретику дела в высоких рефлексиях философского языка, скорее наоборот – это стремление к той и такой отстраненности от явления диалога, которая поможет за внешним, привычным обнаружить нечто такое, что характеризует проблему с существенной стороны.

Пространство современной культуры формировалось на протяжении XIX-XX в.в. в границах своеобразного треугольника, который можно обозначить следующим образом:

Именно так Б.М. Кедров интерпретировал социокультурный процесс в виде наукометрической схемы [1, с. 29]. По прошествии двух веков мы получили весьма печальный итог: вершина треугольника все более и более истончалась. Происходило общее уплощение конструкции. Философия, в силу разных обстоятельств, постепенно утрачивала свой мировоззренческий статус и опускалась в эксперимент, т.е. «позитивизировалась». В области общепсихологических установок и представлений все более отчетливо проступали парадигмальные ориентации естественно-научного плана. Их категориальная определенность и предметность уводили философию в сторону от аксиологической составляющей мира человека. Естественно-научная парадигма не распознавала и не вступала ни во внутренний, рефлексивный, ни во внешний, дискурсивный, диалог по поводу категорий «сострадание», «милосердие», «доброта», «любовь», «вера».

Поэтому не случайно, уже со второй половины XIX века, возникает своего рода методологическая «оппозиция» в виде гуманитарного подхода, который должен был сохранить человеческий облик культуры и как процесс и как результат. Однако произошло нечто непредвиденное: гуманитарный подход при всем своем богатстве и многообещающих перспективах обеспечил движение философской мысли виришь, но не в глубину субъектных процессов. Было получено много различных описаний, изучены разнообразные аспекты психологического отношения субъекта к другим субъектам, к миру, но это были результаты исследований не столько души человеческой, сколько весьма отдаленного от нее мира переживаний человека, т.е. феномена «душевности».

Оказалось, что современная гуманитаристика не может проникнуть в сферу базовых, высших проявлений человеческого «Я». Несмотря на все приложенные усилия в области изучения духовного содержания, его организующую «вертикаль» не удастся зафиксировать, а, следовательно, и отобразить в секулярной гуманитарной парадигме. Стало очевидным, что нужен другой язык, иная методология познания и новые принципы лидирования.

Для того, чтобы отчетливо представить перспективы развития нового диалога, необходимо проследить уже исторически ставшую траекторию движения освоения собственной души и духовности. По всей вероятности, не случайно, общественная практика начала с опоры на тело, как единственный релевантный принципам естественной истории объект. Обобщенное категориальное закрепление этой мысли нашло свое выражение в известной понятийной схеме «тело-душа-дух». Более привычную для слуха и речи форму это выражение получило в виде производной номинации и закрепилось в современном научном обороте под другими именами: диспозиции, ценностной ориентации, сознания и т.п.

Суть современных процессов ментального обновления связана с попыткой «одушевить» телесность истории (отсюда, заметим, исходит и стремление «преодолеть» марксистскую парадигму) и отождествить сам феномен духовности с высшим слоем проявления душевности человеческого бытия.

Особенно популярным этот подход становится в русской философии конца XIX – начала XX вв. и был реализован в работах С. Булгакова, П. Флоренского, В. Соловьева и др. Смысл его сводился к особому пониманию форм и способов синтеза души и духа в его изначальной связи с трансцендентальным началом. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что в течение последнего века обозначилась тенденция сохранить в едином аналитическом поле и тело, и мир душевных переживаний личности. Стремление оставить нетронутым подлинное единство выделенных эпостасий личности привело к осознанию необходимости разработки методологической схемы их понимания: «место- соотношение- координация».

Перед нами схема, и относиться к ней должно как к схеме, однако, нужно выполнить задачу определения тенденции соотносительного движения указанных элементов конструкции. В этой связи обратимся к короткому экскурсу в историю вопроса.

Во второй половине XIX века, в основном благодаря признанным успехам психологической науки, был впервые запечатлен в качестве самостоятельного объекта феномен человекознания. Этот факт связан с творчеством В. Вундта, который, как известно, в 1879 г. создал специализированную психологическую лабораторию. Справедливости ради, следует упомянуть и имя талантливого последователя Г. Лейбница Х. Вольфа, который еще раньше, в XVIII в., выделил два магистральных подхода к изучению психологии

личности: рациональный и эмпирический. Первый осознавался как продуцент целостных представлений о человеке, второй складывался как сумма непосредственных наблюдений за отдельными сторонами человеческой деятельности. Весьма характерна изначальная устремленность В. Вундта только к таким результатам, которые могли бы быть верифицированы другими исследователями, т.е. В. Вундт заявил о создании рационалистической схемы изучения диалога «человек-мир».

Параллельно с В. Вундтом развивалась и программа Ф. Brentano, ориентированная на разработку эмпирических свойств и характеристик в психологии. В целом, логика подхода Ф. Brentano генетически была обусловлена интенциональной концепцией Ф. Аквинского, исходившего из феномена целостной природы человека, которая затем распространялась на все формы проявления человеческой активности и, прежде всего, на способность к созданию пространства дискурса.

Таким образом, по Ф. Brentano, сознание обнаруживало свою, говоря современным языком, креативность в целостности и достигнутой свершенности, т.е. целостности произведенных действий (к этому аспекту проблемы мы еще вернемся).

Через полтора десятилетия В. Дильтей создает методологический подход бинарного типа: а) естественно-научный метод, использующий ресурс объяснения; б) духовно-научный метод, опирающийся, в основном, на возможности понимания. По сути, были предложены две методологические версии изучения диалогового процесса: внешняя, ориентированная на выявление детерминистских связей, и внутренняя, сосредоточившая усилия на фиксации феноменологических аспектов субъект – объектного соотношения. Как остроумно заметит К. Левин, произошло освящение научным сообществом двух способ интеллектуального конструирования диалога: аристотелевское и галилеевское [2, с. 47].

В отечественной науке отмеченный спектор подходов встречается в работах Л.С. Выгодского, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Леонтьева и М. Мамардашвили. Главную задачу гуманитарного исследования феномена диалога Л.С. Выгодский относил прежде всего к вопросу построения общей теории психологии [3, с. 126]. Иной подход продемонстрировал Д.Н. Узнадзе. Он сосредоточился на разработке теории установки, которая изначально создавала направленность, а, значит, и смысл диалога. Суть вопроса Д.Н. Узнадзе сводил к изучению формирования целостной духовной личности, поступки которой, как оказалось, могут быть опосредованы и бессознательно. Пытаясь универсализировать подход, Д.Н. Узнадзе допускал, на наш взгляд, ряд логических погрешностей. В результате у него получалась констатационная модель, согласно которой установка понималась слишком узко, как «совокупность некоторых механизмов психики, которые стабилизируют деятельность» [4, с. 59]. При таком исследовательском ракурсе терялась ценностно-ориентирующая роль установки в целом и в диалоге в частности. Справедливости ради, следует отметить, что сам способ логического вычленения проблемы установки реализовывался Д.Н. Узнадзе через опосредующую категорию «биосферы». Исследователь, скорее всего, полагал, что взаимосвязи системы «субъект-мир», влияющие на содержание и форму диалога, уже скрыто представлены, отображены в понятии «биосфера». Поэтому имманентная трактовка субъект-объектных отношений, обобщенная в теории установки, невольно снижала методологический уровень анализа роли диалога в культуре, превращая его лишь в предмет процедурного изучения.

Сложившуюся ситуацию по иному понимал А.Н. Леонтьев. Если отвлечься от остального, то можно сказать, что основная идея его концепции заключалась в том, что ценностно-смысловые ориентации человека составляют структурообразующую основу субъекта [5, с. 51].

Тенденция понятийного анализа деятельности, как единого основания культуры, резко сужала коридор эмпирических инструментов, применимых и для изучения конкретных форм деятельности. Логико – инструментальные стороны языка диалога обретали статус неосновной задачи, тем более, что все это происходило на фоне преодоления «физикализма».

Однако, практика осуществления диалога, несмотря на извилистость теоретико-методологических путей его представления, вынуждает нас операционализировать конкретные его проявления. Пока не будем говорить об инструментальной стороне дела, но зададим объем и содержание понятия «канал связи» и определим концептуальную базу канала, т.е. определим посредством каких понятий и концепций мы будем формировать объяснение и понимание архитектуры диалогового пространства.

В первом приближении просматривается бинарная конструкция ментальных процессов обеспечивающих диалог. Это связи «мысль-слово-значение» и «понятие-слово-смысл». Их взаимодействие не всегда очевидно, порой неосознано. Видимо, на это обстоятельство указывает поэтическая метафора:

«Я слово позабыл, что я хотел сказать,

И мысль бесплотная в чертог теней вернется».

Если обратиться к философской прозе, то следует констатировать изначальное отсутствие связи мысли и слова, на это обращал внимание еще Л.Н. Выгодский [6, с. 92]. Очевидно, указанные связи являются продуктом эволюционного процесса, свойственного мысли и слову в отдельности. При их выявлении и фиксации важно брать связи не изолированно, подробно, а органически, помня, что

принудительное, механическое их объединение не раскрывает содержание процессов речевого мышления.

Существенно важным также выступает сохранение целостности значения слова, которое можно рассматривать как единый и речевой и интеллектуальный феномен.

Классическая психология, как было показано, стремилась объяснить механизм действия связей через ассоциацию. Когда речь заходила о круге фиксированных значений, дела обстояли почти нормально, но идиллия понимания и, тем более, объяснения исчезала, когда возникал вопрос о способах и формах рождения новых значений.

Пытаясь ответить на последний вопрос, мы приходим к необходимости выделения двух речевых планов: внутреннего и внешнего. Первый план П.Я. Гальперин интерпретировал как смысловой, а второй – как звуковой [7, с. 26]. Оба плана выступают как некое единство, но сохраняет каждый собственные закономерности.

В науке давно уже установлен факт, что субъекту понимания свойственно в звуковой речи двигаться от части к целому, т.е. производить индуктивную операцию, а в смысловой речи – от целого к части, совершая дедуктивный шаг. Синтез указанных речевых планов приводит к несколько неожиданному результату – мысль, как условие и продукт диалога, оживает в слове, минуя стадию консервации. Иными словами, готовая мысль не является прямым выражением речи.

Школа стадийного развития личности (Ж. Пиаже, П.Я. Гальперин и др.) установила любопытный факт: оказывается, в процессе развития человек вначале овладевает грамматикой, а лишь затем закрепляет усвоенные синтаксические формы в смысловых структурах речи. Отсюда вытекает важное следствие: операциональные характеристики мышления обучающегося субъекта – пропозициональные связи, модальности суждения и т.п. – существуют вне смыслового поля коммуникации и исключают возможность свободного, независимого их применения в диалоге.

Сложность заключается в самой субъект-предикатной структуре суждения, как логической формы мысли – что считать субъектом и что – предикатом. Например, я утверждаю два факта: «Мария вышла замуж» и «Мария – замужем, т.к. является женой Сергея». Очевидно, что при одинаковой внешней грамматической тождественности, смысловая нагруженность у приведенных суждений разная. В первом случае констатируется казуальный факт, а во втором – устанавливается симантическая зависимость между фактом замужества Марии и тем фактом, что она является женой Сергея. Анализ этих грамматически незатейливых структур приводит нас к заключению, что грамматический строй речи предваряет формирование логики смысла высказывания.

Указанную закономерность можно бы было принять как некое технологическое свойство конструирования диалога, если бы грамматическая ясность суждения гарантировала получение определенного смыслового значения высказывания. Однако этого не происходит. Отталкиваясь от грамматически ясной конструкции речи мы нередко приходим к смысловым затруднениям при их понимании.

В этой связи достаточно упомянуть широко известный с античных времен парадокс «Лжец» или современный парадокс Греллинга. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что в обоих случаях присутствует противоречие между объект – и метаязыком, которое использовано для изложения фабулы ситуации.

Все дело в том, что в основе любого известного парадокса (мы берем их в силу очевидности) лежат сложные зависимости дефинитарной конструкции. В идеале мы исходим из того, что сам дефиниендум строго тождествен дефиниенсу, т.е. предполагаем наличие изоморфной связи между предметом (в данном случае – дефиниендумом) и смыслом, который интерпретируем как дефиниенс, т.е. предполагаем отелдльность одного и другого. Однако, в действительности, все обстоит сложнее: дефиниендум оказывает предметное, а, следовательно, грамматическое воздействие на дефиниенс, который, в свою очередь, посредством смыслового влияния воздействует на способы грамматического закрепления дефиниендума.

Мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: с характеризующей функцией мышления, идущей от предиката, и с идентифицирующей функцией, определенной местом субъекта высказывания. Обе указанные функции логически положены через отношения контрадикторности и грамматически закреплены в языке с помощью «нет-технологий».

Классическая организация диалога построена на попеременном включении то грамматического, то логического строя мышления, что нередко приводит к такой логической болезни, как сдвиг в референции имен. Попытка привязать грамматику к понимающей функции сознания, а логику к его объясняющей стороне, как правило, заканчиваются неудачей.

Коммуникатор, в данном случае, невольно снижает уровень мышления другого мышления до состояния зеркального отражения действительности и вынужден игнорировать сложные интенциональные его связи, которые, можно обозначить как креативные. В результате исчезает творческий компонент диалога, который незаметно перерастает в монолог. По всей вероятности, в

процессе первой и второй социализации личности следует более бережно относиться к чужому «Я-процессу» за счет предоставления в диалоге многозначных конструкций связи грамматики и логики, даже порой рискуя дидактической ясностью. Далеко не случайным является стремление использовать такие новые формы диалоговой представленности, как, например, гипертекст. При его использовании явно прослеживается стремление заменить одномерные связи многослойными предметно-смысловыми композициями. В целом, подобные попытки можно только приветствовать, но при условии безусловной фиксации изначального смысла, обеспечивающего возможность не только понимания, но и объяснения. Таким образом, достигается устойчивость связи преемственности в развитии культуры.

В современной гуманитаристике не достигнуто единое понимание относительно методов достижения указанного результата и продолжается острая дискуссия, которая завершится, будем надеяться, значимыми социальными результатами.

Библиографический список

1. Кедров Б.М. Вектор взаимодействия / Б.М. Кедров // Человек. — № 2. — 1995. — С. 17 – 31.
2. Зейгарин Б.В. Теория К. Левина / Б.В. Зейгарин. — М., Наука, 1981. — 216 с.
3. Выгодский Л.С. Собрание сочинений / Л.С. Выгодский. — М.: Наука, 1982 – 1984. — Т.1. — 324 с.
4. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. — М.: Наука, 1966. — 360 с.
5. Леонтьев А.Н. Сознание, личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Наука, 1977. — 280 с.
6. Гальперин П.Я. К вопросу о формировании умственных действий / П.Я. Гальперин // Вестник МГУ. Сер. Психология. — № 2. — 1971. — С. 132 – 141.

Поступила в редакцию 20.11.2007 г.